

C/S

3

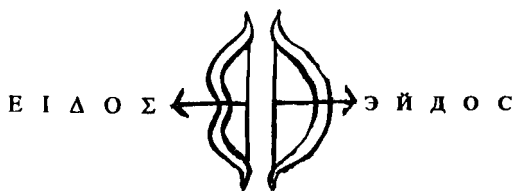
Санкт-Петербург 1996

SILENTIUM

*Выпуск издается при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного научного фонда*

ПРОЕКТ № 95-06-32026

**Издательство ФКИЦ “ЭЙДОС”
Санкт-Петербург**

ISSN 0135-549X

SILENTIUM

**Философско- художественный
альманах**

Непериодическое издание
философско-культурологического
исследовательского центра “ЭЙДОС”

В Ы П У С К 3

Издательство ФКИЦ “ЭЙДОС”
Санкт-Петербург

1996

СОДЕРЖАНИЕ

Э Х О

<i>Любава МОРЕВА</i> (Не?) возможный опыт работы с текстом: Слово и молчание в пространстве любви и смерти	3
<i>Борис ШИФРИН</i> Лишнее, здешнее, недостающее	24
<i>Бернар СТИГЛЕР</i> Эйдос и теле-видение (пер. Виктора Лапицкого)	30
<i>Vladislav TODOROV</i> Performing Power	32
<i>Nicholas DAVEY</i> Beyond the Mannered: the Question of Style in Philosophy or Questionable Styles of Philosophy	39
<i>William. E. DOLL, Jr</i> Ghosts and the American Curriculum: Search for Neopragmatic Cosmology	55
<i>Сергей СИПАРОВ</i> Телеология эволюции	67
<i>Михаил МИКЕШИН</i> «Пространства божественной компетенции» епископа Беркли	71
<i>Борис ЛЕВИТ-БРОУН</i> Ненависть к Фаусту (этиод к развитию бердяевской темы о воле к бездарности и воле к гениальности)	80
<i>Игорь ЕВЛАМПИЕВ</i> История литературы как археология человека	100

- Михаил УВАРОВ*
Атактический синдром в культуре:
от шизоанализа к грамматологии и обратно
112
- Нина САВЧЕНКОВА*
Аполлон и Дионис: желание как форма
пространственного самосознания
123
- Лидия КИРСАНОВА*
Три образа Диониса: от Ницше к Лакану
131
- Thomas C. DAFFERN*
On Paradigms, Global Philosophy and Peace
142

ПРИГЛАШЕНИЕ К ТИШИНЕ

- Геннадий БРЕВДЕ*
Из путешествий
161
- Фрагменты
174
- Семен ЛЕВИН*
Сад
185
- Светлана ВАСИЛЬЕВА*
Стихотворения
190
- Стихи юного поэта *Владимира ЕРМАКОВА*
193
- Виктор ЛЕТЦЕВ*
Поиск в поэзии
196
- Переход и рождение нового
201
- Александр ЛЮСЫЙ*
Два рая, или Дар созерцания
209
- Дмитрий БОБЫШЕВ*
Слово в русской поэзии: парадигмы и дискурсы
216

Анатолий БАРЗАХ
Осязание мысли
(о некоторых особенностях поэзии Мандельштама)

227

Александр ЛАСКИН
«Так играл пред землей молодою...»
Пунктир биографии Вс. Мейерхольда

239

Маргарита ДИКОВИЦКАЯ
О развитии одной скульптурной темы
(«Головы» Жанны Бровиной)

251

УРОКИ МОЛЧАНИЯ

Фрай Луис Де ЛЕОН
О именах Христа (пер. М. Владимирова)

257

Гинтаутас МАЖЕЙКИС
Полотна средневековых визий
(история философии Л. П. Карсавина)

279

Frederick SONTAG
The Mysterious Presence

290

Maria Antonia Frias SAGARDOY
God and Architecture

301

Вера СЕРКОВА
Классический исихазм и парадоксы молчания

308

Сергей ХОРУЖИЙ
Философия и теология:
старые и новые парадигмы отношений

315

НОЙ
(из книги «Зогар», пер. А. В.)

323

D I X I !

Поль РИКЕР
Справедливость между законностью и добром
(пер. М. Рябкова и А. Смирновой)

345

Karl-Otto APEL
Transcendental Semiotics and the Paradigms
of First Philosophy

360

Stephen A. ERICKSON
In Disenchantment's Wake

377**ФИЛОСОФСКИЙ ПРАКТИКУМ**

Бернхард ВАЛЬДЕНФЕЛЬС
Вызов чужого (пер. Б. В. Маркова)

397

Claudia PRAINITO
The Value of the Difference in the Relationship
Between *Ego* and *Alterego*

403

Tom ROCKMORE
On Epistemology and Hermeneutics

408

Filippo COSTA
Meaning and Truth in Philosophy

412

Алексей МАЛИНОВ
Семантические семена

418

Леонид ЧЕРТОВ
«Алфавит» и «палитра»:
два принципа смыслоразличения

422

Максим РЯБКОВ
Различие между выражением и суждением
как источник парадоксов скептицизма

429

- Милан УЗЕЛАЦ*
Космология искусства
(пер. В. Романовой-Девич)
435
- Sören STENLUND*
Language, Metaphysics and Art
447
- Paul CROWTHER*
Beyond Art and Philosophy:
Deconstruction and the Post-Modern Sublime
463
- Stefan KNOCHE*
The Ethics of Art:
W. Benjamin and M. Heidegger
470
- Jos De MUL*
Disavowal and Representation in Magritte's
Les trahison des images
478
- Marie Pauline ЕВОН*
Authenticity in African Thought:
An Alternative to Western Paratypes?
493

Э К С Л И Б Р И С

- Татьяна АРТЕМЬЕВА*
«Естественное метафизичествование»
Александра Сумарокова
499
- Александр СУМАРОКОВ*
Основание любомудрия
501
- Ода о величестве Божиим
505
- Слово о любви к ближнему
506
- Владимир БИБИХИН*
Жильсон Э. Лингвистика и философия:
эссе о философских константах языка
510

ФИЛОСОФСКИЙ ФОЛЬКЛОР

- Наталья ПОСТОЛОВА*
 Феноменология коммунальной телесности
 (Шутка выполненная в размерности философской скуки)
523
- Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ*
 Постмодерн и российско-советский духовный опыт
535

И Н О Е?

- Алексей ГРЯКАЛОВ*
 Последний святой. Повесть
545
- Комментарий-свидетель
569
- Ф. Х. ЛАДЛОУ*
 Исповедь мизантропа
576
- Дмитрий СПИВАК*
 Петербургское время
582
- Александр ИСАЕВ*
 Становление мифа о Вавилоне...
589

POSTSCRIPTUM

- Константин ИСУПОВ*
 Тезаурус запечатленный
 («молчание», «одинокчество», «тайна»,
 «здравый смысл», «наивность», «кукла»)
593
- Александр ГОГИН*
 Тайна цветка
606
- Елена ДОЛГИХ*
 The Author which Is Difficult to Reach
608

Виктор ЛЕТЦЕВ

ПЕРЕХОД И РОЖДЕНИЕ НОВОГО (Некоторые принципиальные моменты поэтического развития)

*Овсей, Овсей
Шел по дорожке
Нашел железце,
Сделал топорочек
Ни мал, ни велик,
С игольные уши;
Срубил себе сосну
Наснастил мосточек...*

Новогодний цикл

Всякая эпоха переходна. Всякая переходит. Но можно переходить через улицу и переходить через Альпы. В первом случае рукой подать до дома. Во втором — очень многое надо взять с собой и очень многое оставить.

Точка перехода есть момент переигрывания, проигрывания, перебора, отбора, разведения, поляризации, напряжения культуры — рождение новой традиции.

Прямое, сворачиваясь, становится непрямым. Свернутое разворачивается, выпрямляется.

В светящейся точке рожденья два движенья заводят спираль.

Этот переход — область активных культурных мутаций, область всеобщего экспериментирования, активного поиска новой культурной "меры". Эксперимент становится здесь доминантой культуры, поиск — знаком.

Эта область — активное культуротворчество. Метод — как метка, знак, опыт, сгущение, опора, действительность, осуществленность. И метод — мета, цель, путь, символ, возможность, проект.

Наука о литературе работает с поэтическим фактом и, в этом смысле, с бывшим, дает метод-опыт, метод-опору, результат. Необходимость в не-бывшем требует уже метода-цели, проекта, программы, пути, поэтической самоактивности, самоопределения.

Поэтическая самостоятельность невозможна без обращения поэзии к собственным глубинным основаниям, без понимания исходного, самой поэтической субстанции, самого смысла поэтического.

Символизм начала века (неоромантизм), явившийся в языке без языка (внешность метода), в символе без символа (субъективизм и аисторизм символической формы) был, что называется, опережающим становлением функции.

Поэзии необходим поиск на совершенно новых основаниях, нужна смена поэтической парадигмы, поэтического закона вообще. Необходимо войти в новую симво-

лическую систему, в новое семиотическое целое, общекультурный космос. Единство культуры — в едином языке ее символики, мощь — в глубинах символического строя.

Новая поэтическая культура должна дать новый уровень отражения, проективную синхронизацию разошедшихся ритмов природного и социального.

Культурная установка подобна мембране. Когда проницаемость мембранного механизма нарушается, резко возрастает смысловое давление культуры, смысловая потребность. Спасти-снять этот культурный "гипертонический криз" возможно лишь изменив установку, восстановив утраченную проницаемость, протекаемость мембраны — этой подвижной границы между клеткой и целым, телом и миром, Человеком и Космосом.

Ис-целение есть проницание, прояснение, проявление новых смыслов — оцеливание. Цельность — проницаемость, протекаемость, ясность.

О Вселенском явлении жизни пишет Вернадский. О Космическом Сердце говорит Чижевский. Космической точки зрения требует Циолковский.

Всякое начало космологично, всякое есть вступление в новый Космос, узрение новой космической сети связей и отношений, обретение нового Космического Тела. Это ощущение целостной охваченности и ощущение пронизанности Целым. Это ощущение безусловного единения Человечного Космоса и Космичного Человека.

Новая традиция не является сама собой, но является благодаря различению и воссоединению, вхождению и возвращению, вслушиванию и обретению.

Необходим новый синтез, новая увядающая в себя глубина, новое немисливо двоящееся пространство, пространство предельной отдаленности и предельного проникновения.

Оно — Дерево-Жизнь, Дерево-Время, непостижимое, пульсирует, в полости ствола. Явление-ускользание, схватывание-протекание — оно невесомое Сердцеви-на-Объем.

Называние новых реалий еще не творчество нового. Оно, скорее, расхodyвание уже накопленного, сужение уже открытого. Творчество нового — явление нового смысла, открытие нового поэтического пространства.

В какой-то момент возникает необходимость опереться не на конкретную традицию, а на весь открытый контекст эпохи, на некоторую подвижную еще становящуюся общекультурную матрицу понятий, на еще не оформленные содержания, еще не явные смыслы.

Так возможно открытие-обретение новой перспективы, новой цельности, нового поэтического пространства, смысл которого предполагается уже не в искусственной завершенности литературного, представляемого как иллюзия реальной действительности, но лежит в самой действительности, внутри реального природно-человеческого единства, непрерывно развертывающегося, превращающегося, становящегося в действительном.

Это пространство лежит на границе превращений, само является этой границей, раскрытием, развертыванием возможного.

Текст здесь — пространство возможных движений, возможных оформлений этого становящегося единства, символически выразительное явление самого этого становления.

Это не подражание, не создание "второй природы", а продолжение-проявление первой.

А.Ф.Лосев пишет: "...предметом подражания для Аристотеля является "не внешний мир сотворенных вещей", а "творящая сила, производящий принцип вселенной". И еще: "...становление... в виде возможного является подлинным предметом искусства". И еще: "...предмет художественного изображения всегда символичен или, вернее, *выразительно-символичен*, всегда указывает на что-то другое и зовет к другому".

***

Вступление в новое — это усилие-выворачивание, усилие-перерождение, усилие-превращение — обретение нового тела.

Тело сначала лишь ощущение, дрожанье, воздушность, эфир.

Тело сначала лишь оцельненье, мысленность, точечность, схема.

Так, исследуя тело, находим дрожащие точки.

Так, исследуя точки, находим смышленное тело.

Это вступление-обретение, узнавание-сложение подобно японскому саду камней — камни внезапно являясь, собирают воздух, воздух медленно напрягаясь, являет камни.

Проявление-открытие новых космических связей, новых отношений, новой необходимости, нового порядка Мира складывается в новую знаковую систему, оказывается новой светящейся сетью, новой ясностью выразительно данных вещей.

Текст здесь с помощью интенсивно ясных символических структур разыгрывает это космическое становление, являя — давая порядок вещам, принимая-высвечивая форму вещей.

*"...Есть славное серебряное море,
на серебряном море серебряный остров,
на серебряном острове серебряный камень,
на серебряном камени сидит серебряный человек,
натягивает серебряный лук безтетивный,
накладывает серебрянную стрелу без перья..."*

Это открывающееся тексту поэтическое пространство неразлично, неопределено, незавершено. Эта открытость, полость, пустотность, простор — возможность пребывания, задание возможных порядков сосуществования вещей, возможных оформлений.

Это пространство открывается сознанию, выходящему за пределы собственной видимости, узнается расширенным сознанием.

Об открытии, расширении сознания в процессе "сгущения мысли" во внутренней форме пишет А.А.Потебня: "самое появление внутренней формы... сгущает чувственный образ, заменяя все его стихии одним представлением, расширяя сознание, сообщая возможность движения большим мысленным массам".

Если "восстановление внутренней формы" (А.Потебня) — это возвращение к исходной точке, к представлению, к наглядности и сознание новых явлений, то можно говорить и о "восстановлении" полости внутренней формы — как об открытости, как о подвижном объеме, как об истоке всех возможных смысловых движений, всех возможных оформлений.

Эта полость — лишь видимость, непредставимость. При вхождении в нее открывается полность, видность, представление. Эта полость не то, что оформлено, а то, что оформляет, не то, что рождается, а то, что порождает, не то, что представляется, а то, что представляет.

Эта полость есть ось, пронцаемость, сеть.

Эта полость есть поле, дрожание, ток.

Эта полость открыта во внутрь — и все собирает.

Эта полость открыта во вне — и все разделяет.

Эта полость не то, что смывает и не то, что смывается. Она сама смываемость, само движение, сама погруженность.

Эта полость и пленка прилива и пленка отлива — двоимость, сходимость, мембранность.

Это пространство предельного перехода, выворачиваемости, удвоения, превращения, порождения.

Эта полость — мембранность, прозрачность, сетчатость, проникновенность и символ — одноприродны.

Из этой пленки, из этой неопределенности, из этого предела, из этого посредования, из этой середины, как паутинные нити протягиваются незримые связи, как прозрачное дерево является осмысленность Мира.

Внутренняя форма представляется в открытом, в полости полость открывается в представлении, во внутренней форме.

Если внутренняя форма — дыхание, необходимость, то полость — возможность дыхания, свобода.

Когда бабочка тысячелетий выпархивает на прогулку, разве она не прозрачна без памяти.

Вхождение в новое — вживание-овладение "схемой" нового культурного тела, проявление-рождение нового "сада" понятий-камней.

Меж дрожащих косящихся точек является осмысленность-поле, в поле смысла течет прорастает дерево-сад.

"Один говорит: "Побежим, побежим!"

Другой говорит: "Полежим, полежим!"

А третий: "Пошатаемся!"

Поэзия мнит-возникает в языке, из языка, через язык. Язык в начале узнает-открывает себя как поэтический.

Поэзия явление языческое — обожание самой природы — природное, стихийное, крайнее — "прежде ума глаголет".

И поэзия явление языковое — обожание природы самого языка — культурное, упорядочивающее, проясняющее.

Поэзия — на границе, она непрерывный переход от хаотического, неупорядоченного — к упорядоченному, космическому и обратно. От форм — к бесформенному, от бесформенного — к форме.

Статус поэтического — переходность, разыгрываемость, отсылаемость.

В поэзии невозможен наивный прагматизм, потребительское отношение к языку. Требовать, чтобы каждый факт языка немедленно на что-то указывал — лишать язык будущего.

"Самовитое слово"- слово обращенное на себя, смотрящее сквозь историю, входящее в текущие корни языка, помнящее себя до рождения, мнящее до оформлений, слово удерживающее все забытое и для быта бесполезное. "На крышу не забросишь, на печку не поставишь".

Поэтический языковой эксперимент — это анализ языка самим языком, понимание языком самого себя, анализ без вынесения во вне, без вырывания из живого речевого потока. Он осуществление поэтического языкового саморазвития, самостоятельности.

Саморазвитие — непрерывное оттолкновение от себя, отрицание себя. Оно для языка оттолкновение от речи — от-речение и возвращение в речь — речение.

Обращение языка на себя — эта игра-воспоминание, игра-прояснение, игра-порождение. Эта языковая диалогичность, "Диалог" языка с собой — не замкнутость в себе, а, как раз, открытость. Здесь по пословице: "Язык языку ответ дает, а голова смекает".

Если голова отказывается смекать — возникает иллюзия замкнутости, оторванности, бессмысленной игры словами.

Архаическая традиция серьезна ко всякой игре. Народная загадка часто — загадка языковая, лингвистическая задача.

Загадать — заставить гадать, вспомнить, по-мнить, вообразить, со-творить.

Это смеkanie-гадание, выгадывание, выдумывание, вымысливание, воображение, со-творение — сущность поэтического переживания.

Обращение языка на самого себя, языковая саморефлексия говорит лишь об уровне развития языка, его мощи не пугающейся границ, ощущающей себя как целое, о его космичности живущей пульсацией выступления и возвращения.

"Самоактивность" языка — это раскрытие его внутренней формы, это выражение свернутых в языке возможных содержаний. Разворачиваясь в речи, открываясь, язык отдает ей свои скрытые смыслы. Суть в том, чтобы получить этот дар-долг.

Язык, как и культура, не может долго существовать частичным, не может не утрачивая памяти, большей частью жить во вне, не включаясь, не превращаясь в

живой речевой работе. Необходимо обращение ко всему национальному языку, к его глубинным корням, к его "донациональным" праформам.

Необходимо дать проявить в языке геометрию новых смысловых движений, новых смысловых отношений, отвечающих новым глубинным интуициям эпохи.

Авангард начала века (футуризм, имажинизм и пр.), обращаясь с языком как с подневольной вещью, с языком как с набором образов-бирюлек, выдаваемых на россыпь, оказался далек от того, чтобы "найти язык".

Поэзия живет-светится в языке, сквозит в языке, играет в языке. Она проистекает из этого живого узилища, возникая и исчезая на его родниковых гранях. Она излучение его сияющих связей, его невесомых осей, его дрожащее зрение.

Мы в языке ограничили речь, в речи сковали язык. Пусть язык вспыхивает в речи, излучает из речи, сквозит. Пусть речь открывается языку, выступает из языка, дрожит.

***

Культурная традиция и культурное наследие соотносятся как часть и открытое целое.

Ограниченность ближайшей традицией печальна, как всякая ограниченность.

"Глубина — это высота вниз", — толкует Даль. Высота будет — глубина вверх.

Открываясь, как новая необходимость, культура требует для себя новых содержаний, новой обратной перспективы, новой глубины синхронизации с многотысячелетним культурным опытом.

*"Стоить яворець тонкий, високий
Тонкий, високий, корінь глубокий,
А в коріньку чорні куноньки,
А всередені ярі пчілоньки,
А на вершечку сив соколенько.
Сив соколенько гнізденце си в'є..."*

Необходимость нового синтеза, новой цельности, нового сгущения-прояснения обращает к мифо-поэтической модели Мира, обращает, как пишет Бахтин, к "системе тысячелетиями слагавшихся фольклорных символов", к этому "большому опыту, заинтересованному в смене больших эпох", обращает к "памяти наиндивидуального тела, памяти, уходящей в дочеловеческие глубины материи, памяти не имеющей границ".

И еще: "Эта большая память не есть память о прошлом (в отвлеченно-временном смысле); время относительно в ней". "Эта память противоречивого бытия не может быть выражена односложными понятиями и однотонными классическими образами".

Необходимость нового понимания Человека, нового отношения Человек—Мир, нового отношения к Миру, требует и поэтических новаций, и тут не может уже

помочь ни сложнейшая многоступенчатая метафоричность, ни повышенная ассоциативность, ни сгущенное разнообразие тропов, ни сумма приемов вообще.

Необходим выход на новый уровень поэтического отражения.

Необходимо обретение уровня выводящего к за-текстовым содержаниям, уровня уходящего за пределы частичного опыта.

Выход на новый уровень — есть движение вверх — восхождение и движение вниз — углубление. Два движения, два превращающихся усилия — аналитическое и синтетическое — напрягают, порождают. Два движения заряжают новое пространство.

Для прежнего уровня характерно отражение: "сознание" языка — "знание" текста. Это закрытость, замкнутость поэтического на себя, построение иллюзорной реальности, непроницаемость.

Текст здесь замкнут на себя, не выходит из себя, он знание языка. Язык обращен во внутрь, опрокинут в текст, замкнут в тексте, пассивен, он — сознание текста. Это "текст в себе".

Новый уровень — это выход на отражение: "подсознание" языка — "сверхсознание" текста. Это открытость, разомкнутость, отражение реального, проницаемость.

Текст здесь не замкнут на себя, отвлечен от себя, он "сверхсознание". Язык открыт, обращен во вне, активен, углубляется в "забытое", в до-опытное. Это — "Текст для нас".

Такое от-ражение, размыкание, различие "Язык-Текст", связывает их особой непрямой связью, открывает особое, во вне лежащее, посредствующее пространство. Через него текст наполняется опытом языка, язык проникается смыслами текста. Текст понимает Язык, Язык обнимает Текст.

Текст не знает, не информирует, не сообщает — но обращает. Он не весть — но к со-вести.

Язык проникает в глубины — Текст выходит из берегов.

Язык осеняет Мир — Мир обретает Язык.

Это срединное, раскрытое, проницаемое пространство пульсирующий смысл Мира, скользящая целостность, пленка дыхания, бдящая полость.

***

Причина традиционной "безотзывности" высокому еще и в принципиальной *закрытости, монологичности* поэтического высказывания прежнего уровня. Сама структура Языка-Текста воспроизводит отношения замыкания, отъединения, отчуждения.

Новый уровень предполагает равенство творческого участия, творческой обращенности: поэт-читатель. Поэтический текст здесь не столько информирует, сколько инициирует поэтическое переживание. Читатель свой мир не отчуждает, но проходя сквозь инициирующий творческое переживание текст, пересоздает преобразует его, обретая тем самым действительный Мир.

Читательские возможные миры включены в поэтический мир, а не являются созерцателями, дивящимися его опыту. Он открыт любому и всякому опыту, он не замещение отчужденного, а принятие возвращенного, не превращение — перелицовка, а приобщение — обретение лица.

***

Модернизм не создает *качественно* новой "традиции", а лишь рафинирует наличную, даже и после всех отрицаний, оставаясь в пределах "круга". Это один шаг, одно движение, адаптивность — не обновление.

Подлинное обновление от разнообразных "модернизаций" отличается пересмотром самих оснований поэтического, выходом на иной уровень отражения, обретением нового ощущения Мира, нового Понимания.

В конце концов свобода тоже становится традицией.

***

Момент рождения культуры подобен золотому дождю — повторяющееся дарит неповторимое, неповторимое — повторяется. Отдавая себя, перерождаясь, легчая, поднимается вверх просветляющаяся неповторимость Мира.

1986 г.